

ДЖОЗЕФИНА

ТЭЙ

ДОЧЬ ВРЕМЕНИ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

Джозефина Тэй Дочь времени

Серия «Алан Грант», книга 5

Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127176

*Дочь времени : [роман] / Джозефина Тэй ; [перевод с английского Л. Володарской, Н. Сидемон-Эристави] : АСТ: АСТ МОСКВА; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-152656-6*

Аннотация

«Дочь времени» – самый известный роман Джозефины Тэй. Ассоциация детективных писателей Англии официально считает его величайшим английским детективом.

Сможет ли прикованный к постели инспектор Скотленд-Ярда раскрыть убийство, которое произошло почти пятьсот лет назад? Алан Грант лежит в больнице со сломанной ногой и от скуки решает разгадать тайну самого запутанного преступления средневековой Англии – гибели двух маленьких принцев, – в котором обвиняют короля-узурпатора и горбатого чудовища из детских сказок Ричарда III. Сыщик пытается разобраться так ли был ужасен король, как о нем пишут Шекспир и Томас Мор. Как истинный полицейский, он начинает расследование с вопроса: кому было выгодно убийство племянников Ричарда III?

Содержание

1	5
2	20
3	42
4	54
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Джозефина Тэй

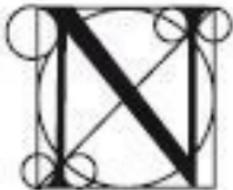
Дочь времени

Правда – дочь времени.
Пословица

Серия «Эксклюзивная классика»

Josephine Tey
THE DAUGHTER OF TIME

Перевод с английского *Л. Володарской*
Стихи в переводе *Н. Сидемон-Эристави*

© Перевод. Л. Володарская, наследники, 2022
© Перевод, стихи. Н. Сидемон-Эристави, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2023

1

Грант лежал на высокой койке, заправленной белоснежным бельем, и смотрел в потолок. Смотрел, надо сказать, с отвращением, потому что уже давно мог бы с закрытыми глазами перечислить все трещины, из которых составил карту с реками, островами и континентами для своих нескончаемых мысленных путешествий. Он постоянно задавал себе самые разные задачки, искал спрятанные на чистом потолке лица людей, фигурки птиц и рыб. Делал в уме сложные математические расчеты и вновь открывал для себя мир детства. У него отняли все, кроме потолка, и он возненавидел его лютой ненавистью.

Не выдержав, Грант попросил Пигалицу как-нибудь передвинуть кровать, чтобы он мог заняться другой частью потолка, но оказалось, что это непоправимо нарушит симметрию в палате, а в больничной системе ценностей симметрия незначительно уступает чистоте, зато стоит намного выше сострадания. А вот что вне всякой конкуренции, так это невежество.

– Почему бы вам не почитать? – спросила Пигалица. – Смотрите, сколько новых дорогих книжек!

– На земле слишком много людей, и почти все что-нибудь пишут. Каждую минуту типографские машины печатают бог знает сколько миллионов слов. Ужасно!

– Похоже, у вас опять начинается запор, – задумчиво произнесла Пигалица, которую на самом деле звали сестрой Ингхэм.

Грациозное создание ростом пять футов и два дюйма, похожее на ожившую статуэтку из мейсенского фарфора. Поднять ее Грант мог бы одной рукой, будь он на ногах, и его унижало даже не то, что Пигалица указывала ему, что и когда делать, но тот факт, что она крутила его, мужчину под шесть футов. А матрасами она манипулировала с беззаботной грацией жонглера. В отсутствие Пигалицы Грант переходил во власть Амазонки, богини с руками, напоминавшими ветви бука. Амазонка, или сестра Даррелл, была родом из Глостершира и каждую весну, когда зацветали нарциссы¹, изнывала от тоски по дому. (Пигалица же выросла в Литаме, в приюте Святой Анны, и не оставила места в своей жизни такой чепухе, как нарциссы.) У Амазонки были большие ласковые руки, большие ласковые коровьи глаза, с лица не сходило жалостливое выражение, при малейшем физическом усилии она начинала пыхтеть, как испорченный насос, – и все-таки ощущать себя невесомой пушинкой менее унижительно, чем неподъемной колодой.

Порученный заботам Пигалицы и Амазонки, Грант был прикован к кровати, потому что провалился в люк. И это тоже было унижением, естественным следствием которого стало пыхтение Амазонки и грациозные манипуляции Пи-

---

¹ Нарцисс – национальная эмблема валлийцев. – *Здесь и далее примеч. пер.*

галицы. Падение в люк – величайшая глупость со всех точек зрения. Тогда Грант уже почти догнал Бенни Скола, но провалился в люк, и сейчас лишь мысль, что, ускользнув от него, Бенни прямиком попал в объятия сержанта Уильямса, несколько утешала сыщика.

Судья дал Бенни всего три года, к великой радости его клана, а хорошим поведением он может уменьшить и этот срок, тогда как в больнице, как себя ни веди, пролежишь, сколько положено.

Грант перевел взгляд с потолка на стопку книг в ярких обложках, о которых ему постоянно напоминала Пигалица. Верхняя, с прелестной фотографией молодой женщины в чем-то неправдоподобно розовом, содержала очередной ежегодный отчет Лавинии Фитч о страданиях героини, совершенной во всех отношениях. Судя по тому, что фоном для красавицы на обложке служил большой порт, нынешняя Валерия (Анжела, Сесилия или Дениза) была женой капитана.

«Пот и пахота» – опус в семьсот страниц Сайласа Уикли, вечно озабоченного тем, как бы его не обвинили в хорошем вкусе. Грант пробежал глазами несколько фраз и еще раз убедился в том, что Уикли есть Уикли: женщина лежит в комнате наверху и рождает одиннадцатого ребенка, ее муж лежит в нижней комнате со времени появления на свет девятого дитяти, старший сын, накачавшись спиртным, лежит в хлеву, старшая дочь лежит с любовником на сеновале, все

остальные лежат в сарае. Протекает соломенная крыша, от навозной кучи поднимаются зловонные пары. Что-что, а навоз Сайлас никогда не забывает, и не его вина, что пары поднимаются вверх. Если бы ему показали пар, уходящий в землю, он бы и это описал.

Под книжкой Сайласа – упакованное в броскую обложку сочинение Руперта Ружа «Колокольчики на башмаках», смесь эдвардианских изысков с причудами барокко. Остроумие, с которым автор живописует порок, поначалу вызывает у читателя безудержный смех, но уже на третьей странице становится ясно, что Руперт – послушный ученик Джорджа Бернарда Шоу и пользуется приемом парадокса, открытым классиком, как самым простым и выгодным способом прослыть остроумным. Дальше читать неинтересно.

Зеленая ночь, красная вспышка выстрела – на обложке последней книжки Оскара Оукли. Бандиты у него cedят слова сквозь зубы, но слова эти, заимствованные из американских триллеров, не в силах выразить ни мысль, ни чувство, зато автор выдает полный набор блондинок, кастетов, головокружительных погонь и прочей чуши.

«Случай с пропавшим консервным ножом» Джона Джеймса благодаря юридическим ошибкам на первых двух страницах доставил Гранту несколько приятных минут, в течение которых он мысленно составлял автору язвительное письмо.

А вот о чем тоненькая голубая книжка в самом низу стоп-

ки, Грант никак не мог вспомнить. Кажется, что-то реальное, без художественных выкрутасов. О мухах цеце, о калориях, о сексе? Но даже тут все известно заранее. Неужели нет автора, который не следует раз и навсегда найденной формуле? Неужели никому больше не хочется хоть изредка менять пластинку? Конечно, авторы знают, чего ждет от них публика, которой подавай «еще одного Сайласа Уикли» или «еще одну Лавинию Фитч», словно какой-нибудь «новый кирпич» или «новую щетку для волос». Публике не нужна настоящая новизна. Она знает, чего хочет.

Отведя утомленный взгляд от пестрой стопки, Грант подумал, что неплохо бы перекрыть книжный поток минимум лет на двадцать. Или, например, ввести мораторий на романы. Или дать задание какому-нибудь Супермену изобрести луч, который остановит всех писателей. Тогда уж человеку, прикованному к постели, никто не пришлет подобной чепухи и очаровательной мейсенской статуэтке не придет в голову требовать, чтобы он эту чепуху читал.

Услышав, что открывается дверь, Грант не только закрыл глаза, но и мысленно отвернулся к стенке. Кто-то уже стоял возле него, но он решил быть непоколебимым, не желая ни глостерширского великодушия, ни ланкаширского жизнелюбия.

В затянувшемся молчании Грант вдруг ощутил едва уловимый чарующий аромат. Он посмаковал его и задумался. От Пигалицы пахло лавандой, от Амазонки – мылом и йодо-

формом, а этими духами «Энклос нумеро синк», несущими в себе полузабытый аромат всех полей Грасса, пользовалась только одна из его знакомых – Марта Халлард.

Грант приоткрыл один глаз. Так и есть. Марта наклонилась над ним посмотреть, спит он или нет, и в этой несколько неуверенной позе (если с Мартой вообще хоть как-нибудь сочетается слово «неуверенная») она разглядывала стопку совершенно новеньких нечитанных книг. В одной руке у нее были еще две книги, в другой – огромный букет белой сирени, и Грант задумался: принесла она сирень потому, что лишь ее считала достойной для украшения жилища в зимнюю пору (сирень царила в ее театральной гримерной с декабря по март) или же цветы просто гармонировали с ее бело-черным туалетом. Марта показалась ему настоящей парижанкой, и, к счастью, в ее облике не было ничего от больницы.

– Я тебя разбудила, Алан?

– Нет, я не спал.

– Кажется, я принесла тебе то, что у тебя и так в избытке, – сказала она, пристраивая новые книги рядом с уже отвергнутыми. – Надеюсь, этим повезет больше. Неужели даже наша прелестная Лавиния тебя не увлекает?

– Не могу я читать.

– Очень болит?

– Очень. Только не нога и не спина.

– Тогда что?

– Как говорит моя кузина Лора, меня замучили колючки скуки.

– Бедняжка Алан! А Лора права. – Марта вынула нарциссы из слишком большой для них вазы и жестом, исполненным изящества, положила их в раковину, после чего поставила на их место сирень. – Конечно, хотелось бы, чтобы скука была великой усыпительницей. Но... она не более чем глумливая букашка.

– Букашечное пустое место. Глумливое ничто. А ощущение, будто меня хорошенько отхлестали крапивой.

– Может, тебе что-нибудь попринимать?

– Чтобы стало ясно на душе?

– Чтобы проветрить мозги и заодно поднять настроение. Послушай, а не заняться ли тебе философией? Йогой, например? Хотя с твоим аналитическим умом вряд ли ты склонен к абстрактным построениям.

– Я уже думал об алгебре. У меня всегда было чувство, что в школе я мало ею занимался. Но я, кажется, слишком увлекся геометрией, изучая этот чертов потолок. Пожалуй, надо немного отдохнуть от математики.

– Ну а как насчет кроссвордов? Могу принести тебе целую книжку.

– Боже упаси.

– Ты мог бы и сам их составлять. Я слышала, это гораздо забавнее.

– Может быть. Но в каждом словаре несколько фунтов ве-

са, и вообще я ненавижу справочники.

– В шахматы ты играешь? Что-то не помню. Не хочешь порешать шахматные задачки? Белые начинают и ставят мат в три хода.

– Шахматы я всегда любил чисто эстетически.

– Эстетически?

– В них все очень красиво. Слоны, пешки... Очень изысканно.

– Вот и прекрасно. Я принесу тебе... Ну хорошо, хорошо, оставим шахматы в покое. Попробуй решить то, что до сих пор никому не удавалось.

– Ты подумала о нераскрытых преступлениях? Я знаю их все назубок, и ни в одном нельзя сделать сверх того, что уже сделано, тем более в моем положении.

– Да нет, при чем тут архивы Скотленд-Ярда? Я подумала, как бы получше сказать, о более классическом случае, о таком, что изумляет мир уже не одно столетие.

– Например?

– Скажем, письма из шкатулки.

– Нет, нет, только не Мария Шотландская!

– Почему? – спросила Марта, которая, как все актрисы, не могла устоять перед белой вуалью Марии Стюарт.

– Потому что меня еще могла бы заинтересовать порочная женщина, но глупая – никогда.

– Глупая? – Именно таким голосом Марта произносила монологи Электры.

– Очень глупая.

– Ах, Алан, зачем ты так?

– Носи она другой головной убор, никто бы о ней и не вспомнил. Именно ему она всем обязана.

– Ты думаешь, в панаме она любила бы менее страстно?

– Она вообще никогда не любила, тем более страстно.

Грант понял, что только долгие годы, проведенные в театре, и забота о лице, над которым она трудилась не меньше часа ежедневно, не позволили Марте выразить все ее возмущение.

– Интересно почему?

– В Марии Стюарт было шесть футов, а слишком высокие женщины редко бывают сексуальны. Спроси любого врача.

И тут Грант задумался, почему все эти годы – с тех пор как Марта записала его в свой резервный эскорт, – ему ни разу не пришло в голову соединить ее пресловутую уравновешенность с ее ростом. К счастью, Марте было не до параллелей, поскольку ее мысли были поглощены любимой королевой.

– Так, может быть, она и мученицей не была?

– Мученицей чего?

– Веры.

– Она была мученицей своего ревматизма. Выходя замуж за Дарнлея, она обошлась без разрешения папы, а бракосочетание с Босуэлом проходило по протестантскому обряду.

– Сейчас ты скажешь, что она и пленницей не была.

– Беда в том, что тебе мерещится комнатка с зарешечен-

ными окошками где-нибудь на чердаке и преданная старушка, которая постоянно молится вместе с королевой. А на самом деле у нее сначала была свита в шестьдесят человек, и она ужасно переживала, когда ей оставили «всего» тридцать человек, да и потом чуть не умерла от огорчения, оставшись с двумя секретарями-мужчинами, несколькими служанками, вышивальщицей и парочкой поваров. Кстати, Елизавета платила им из собственного кошелька. Она платила двадцать лет, и двадцать лет Мария Стюарт сторговывала шотландскую корону любому европейцу, готовому начать революцию и вернуть ей трон, который она потеряла, а если повезет, то и трон Елизаветы.

Грант взглянул на Марту и удивился тому, что она улыбается.

– Теперь их меньше? – спросила она.

– Кого?

– Колючек.

Он рассмеялся:

– О да. Я не вспоминал о них целую минуту. Все-таки одно доброе дело, которое можно записать на счет Марии Стюарт.

– Откуда ты о ней столько знаешь?

– Когда-то, еще в школе, писал эссе.

– И она тебе не понравилась?

– Мне не понравилось то, что я о ней узнал.

– Ты не считаешь ее трагической личностью?

– Как раз считаю, только совсем по другой причине. Ее

трагедия в том, что она, королева, родилась со взглядами провинциальной домохозяйки, которой хочется одержать верх над миссис Тюдор с соседней улицы. В сущности, нет ничего забавнее и безобиднее. Такое может привести разве лишь к тому, что окажешься по уши в долгах, но это уж кому как нравится. Если же подобной домохозяйке подвластно целое королевство, беда неминуема. Отдавать в заклад страну с десятиллионным населением ради того, чтобы одержать верх над королевой-соперницей! Неудивительно, что Мария Стюарт печально закончила свою жизнь, – сказал Грант и замолчал, что-то обдумывая. – Она была бы лучшей на свете учительницей в школе для девочек.

– Что ты говоришь!

– Я не имел в виду ничего плохого. Коллеги бы ее любили, дети обожали. Она занимала не свое место, и в этом ее трагедия.

– Ладно-ладно. Не хочешь, не надо. Какие там еще у нас исторические загадки? Железная маска?

– Ничего не помню, но человек, не сорвавший с себя жезлянку, меня не интересует. И вообще меня не интересует человек, лица которого я не вижу.

– Ах да. Как это я забыла о твоей страсти к лицам? Кстати, у Борджиа есть замечательные лица, и ты мог бы найти для себя не одну задачку. А Перкин Варбек? Толкаешь его туда-сюда, а он все на месте. Помнишь, есть такая игрушка?

Дверь приотворилась, и в проеме показалось родное лицо

и неизменная, а потому тоже ставшая родной шляпка миссис Тинкер, которую Грант помнил со времени своего первого появления в ее доме. Он просто не представлял свою домоправительницу в другой шляпке, хотя знал, что у нее есть еще одна, потому что она иногда упоминала о «моей синей шляпе», но то было нечто необыкновенное во всех смыслах, и на Тенби-Корт в доме № 19 миссис Тинкер в ней никогда не появлялась. Синяя шляпка служила мерилom значительности происходящего, и миссис Тинкер надевала ее в особых случаях. («Вам понравилось, Тинк? Как там было?» – «Нет, не стоило надевать синюю шляпу».) Она надевала ее в день свадьбы принцессы Елизаветы, ею отмечены некоторые другие события в королевском семействе, а также короткий репортаж в хронике: герцогиня Кентская перерезает ленточку... В общем, этот головной убор служил для оценки явлений, достойных надевания «моей синей шляпы».

– У вас гости, – сказала миссис Тинкер. – Я уже собралась уйти, но мне показалось, будто я узнала голос. Тогда я сказала себе: «Это всего-навсего мисс Халлард» – и вот решила войти.

Как всегда, миссис Тинкер принесла множество бумажных пакетов и пакетиков и еще маленький букетик анемонов. С Мартой она поздоровалась, как равная с равной, и Грант вспомнил, что в свое время она служила костюмершей и потому не испытывает благоговения перед театральными богинями. Потом она искоса взглянула на великолепную сирень,

расцветавшую под руками Марты. Однако, заметив анемоны, Марта ловко разыграла сценку, словно год ее репетировала.

– Я выбрасываю кучу денег, чтобы порадовать тебя белой сиренью, а миссис Тинкер приносит полевые лилии и сводит на нет все мои усилия.

– Лилии? – недоверчиво переспросила миссис Тинкер.

– Они как Соломон во времена своей славы. «А они не трудятся и не прядут²».

Миссис Тинкер бывала в церкви только на свадьбах и крестинах, но принадлежала к тому поколению, которое еще посещало воскресные школы, поэтому с любопытством взглянула на пучок славы, зажатый у нее в руке.

– Вот оно что. Не знала. Так гораздо интереснее. А я всегда думала, что они сродни чертополоху, который растет вдоль любой канавы. Стоят они все-таки дороговато, а выглядят так себе. Значит, они бывают разного цвета? А почему в магазине об этом не говорят? И почему их называют лилиями?

Женщины обсудили перевод слова «анемон» и неточности в Писании («Я всегда удивлялась, зачем хлеб на воде», – сказала миссис Тинкер), и злополучный момент встречи был забыт.

Они все еще были заняты Библией, когда в палату вошла Пигалица с цветочными вазами. Грант обратил внимание,

---

² Евангелие от Матфея. Глава 6, стих 28.

что они не годились для анемонов и, следовательно, предназначались для сирени, служили как бы паролем к дальнейшему диалогу, но Марту не интересовали женщины, если только она в данный момент не испытывала в них нужды, и такт, который она проявила в отношении миссис Тинкер, был всего лишь *avoir faire*³, годами выработанным рефлексом. Из величины социальной Пигалица была переведена в величину функциональную, и ей ничего не оставалось, как собрать выброшенные в раковину нарциссы и молча поставить их в вазу, а Грант впервые за долгое время наслаждался прекраснейшим в мире зрелищем – притихшей Пигалицей.

– Все, – сказала Марта, кончив колдовать над сиренью и поставив вазу так, чтобы он мог любоваться трудами ее рук. – Я ухожу и оставляю тебя на попечение миссис Тинкер. Пусть ни один пакет не будет обойден твоим вниманием. Дорогая миссис Тинкер, не может быть, чтобы ни в одном из них не было ваших знаменитых «холостяцких пуговиц».

Миссис Тинкер зарумянилась.

– Вам они нравятся? У меня здесь совсем свеженькие, прямо из духовки.

– Конечно, потом мне придется немножко поголодать, ваши кексики смертельно опасны для талии, но я не в силах удержаться. Всего парочку. Сегодня в театре я устраю себе роскошный чай. – Марта не спеша отобрала себе два кекса

---

³ Умение вести себя (*фр.*).

(«я люблю порумяней») и положила их в сумку. – Au revoir⁴. Через пару дней загляну, и мы займемся вязанием. Ничто так не успокаивает, как вязание, правда, сестра?

– Правда-правда. Многие мужчины, заболев, начинают вязать. Им кажется, будто за вязанием быстрее летит время.

Послав Гранту воздушный поцелуй, Марта ушла в сопровождении преисполненной почтительности Пигалицы.

– Я бы очень удивилась, если бы мне сказали что-нибудь путное об этой девчонке, – раскладывая пакетики, сказала миссис Тинкер, и ясно было, что говорила она не о Марте.

---

⁴ До свидания (*фр.*).

2

Марта пришла через два дня, но не принесла ни спиц, ни шерсти. Она впорхнула в палату вскоре после ланча в модной шляпе а-ля казак, сдвинутой набок с обдуманной небрежностью, которая, по-видимому, заставила ее на несколько минут задержаться у зеркала.

– У меня совсем нет времени, дорогой. Бегу в театр. Сегодня дневной спектакль. Господи, спаси и помилуй! Ну кто придет, кроме прислуги и дураков?! Так нет, гони игровой-переигранный спектакль, в котором слова уже потеряли для нас всякий смысл. Мне уже кажется, мы от него никогда не отделаемся. Ужасно! Одно и то же, одно и то же! Вчера Джеффри заснул в середине второго акта. Будто его кто-то выключил. Я подумала, не случился ли с ним удар. А потом он сказал, что совершенно ничего не помнит.

– Провал в памяти?

– Да нет. Нет же. Он все делал автоматически, говорил, двигался, а сам в это время думал о другом.

– Судя по тому, что пишут критики, это не такое уж редкое явление.

– Сказать честно, не редкое. Джонни Гарсон, например, будет рыдать у кого-нибудь на груди, но если спросить, тотчас немедленно и совершенно точно ответит, сколько у него наличными. Но это не то. Не половина же действия! Пред-

ставь, Джефффри выгнал из дому сына, поругался с любовницей, обвинил жену в связи со своим лучшим другом – и все это, думая совершенно о другом.

– О чем же?

– Говорит, решал, сдать или не сдать Долли Дакр квартиру на Парк-лейн, потому что Латимер, который теперь губернатор, продает свой особняк в стиле Карла II на Ричмонд-стрит и Джефффри хочется его купить. Он знает, что там нет ванных комнат, поэтому прикидывал, не переоборудовать ли ему под ванную маленькую комнату с китайскими обоями, которые очень украсили бы дальнюю комнату на первом этаже, отделанную панелями викторианской эпохи. К тому же он еще не знает, в каком там состоянии водопровод и канализация и хватит ли у него денег на полную замену труб и всяких там раковин. И вот, размышляя о кухонной плите и кустарнике у ворот, он вдруг обнаружил, что произносит монолог перед девятьюстами восьмьюдесятью семью зрителями... А, одну книжку ты все-таки осилил.

– Да, она о горах; не книжка, а подарок судьбы. От картинок не оторвешься. Знаешь, только горы могут так наглядно показать перспективу.

– А звезды?

– Нет. Звезды делают из нас амеб. Они отбирают у нас гордость и уверенность в себе. А снежная гора дает верную оценку человеческому бытию. Я лежал тут, разглядывал картинку и благодарил Бога, что не карабкаюсь на Эве-

рест. Больничная койка показалась мне раем. Тепло, спокойно, безопасно. А Пигалица и Амазонка – просто высшее достижение цивилизации.

– Вот тебе еще картинки.

Марта разорвала конверт и высыпала Гранту на грудь несколько фотографий.

– Что это?

– Лица, – сказала она, не скрывая своего удовольствия. – Полным-полно лиц. Мужчины, женщины, дети. На любой вкус.

Грант взял одну фотографию. С портрета XV века на него смотрело женское лицо.

– Кто это?

– Лукреция Борджиа. Правда, похожа на гусыню?

– Что-то есть... Ты думаешь, с ней связана некая тайна?

– Конечно. Кто знает, может, она была соучастницей брата, а мы жалеем ее как слепое орудие в его руках.

На следующем снимке был запечатлен портрет мальчика в платье конца XVIII века. Внизу с трудом можно было прочитать: «Людовик XVII».

– А это прелесть, а не тайна, – сказала Марта. – Дофин. То ли ему удалось спастись, то ли он умер в неволе.

– Где ты их раздобыла?

– Вытащила Джеймса из «Виктории и Альберта», и он отвез меня в магазин. Без него я не справилась бы, а ему все равно нечего делать.

В этом вся Марта. Государственный служащий – еще и драматург, и специалист по портретам, он должен с радостью бросить работу и бежать с ней по магазинам.

Грант рассматривал портрет елизаветинской эпохи, на котором был изображен мужчина в бархате и жемчугах. На обратной стороне фото значилось, что это граф Лестер.

– Вот он какой был – Елизаветин Робин, – сказал он. – В первый раз его вижу.

Марта тоже взглянула на немолодое одутловатое лицо.

– Мне только что пришло в голову, – задумчиво проговорила она, – одна из главных исторических трагедий заключается в том, что художники слишком поздно пишут портреты знаменитых людей. Наверняка Робин был очень хорош собой. Говорят, Генрих VIII в молодости был ослепительно красив, а что от него осталось? Портрет, который годен разве лишь на игральную карту. Зато мы знаем, каким был Теннисон до того, как отрастил свою ужасную бороду. Ладно, я должна бежать, а то опоздаю. Слишком много народу было на ланче в «Благе», и я никак не могла уйти пораньше.

– Надеюсь, ты его очаровала, – сказал Грант, многозначительно глядя на ее шляпу.

– Конечно. Она хорошо разбирается в шляпах. Хватило одного взгляда.

– Она?!

– Ну, естественно, Маделин Марч. И это я пригласила ее на ленч. Что тебя удивляет? Да ты еще и бестактен к тому

же! Я хочу, и тебе следовало бы об этом знать, чтобы она написала для меня пьесу о леди Блессингтон. Но там было столько народу, что, по-моему, я не произвела на нее должного впечатления. Ничего. Зато я прекрасно ее накормила и вспомнила, что Тони Биттмейкеру пришлось кормить семейных. Вино текло рекой. А ты думаешь, он почему еще держится?

После ее ухода целый день он рассматривал фотографии и не замечал, как идет время. Грант начал изучать человеческие лица задолго до службы в Скотленд-Ярде, потом это увлечение стало не только доставлять ему удовольствие, но и помогать в работе. Как-то раз, еще в самом начале, он попал на опознание вместе со своим начальником. К делу они не имели никакого отношения, оба были случайными зрителями, но решили остаться и внимательно следили за тем, как мужчина и женщина по очереди проходили вдоль шеренги из двенадцати чем-то похожих друг на друга мужчин, выискивая того, кого следовало опознать.

– Кто, как вы думаете? – спросил шеф.

– Не знаю, – ответил Грант, – но догадаться нетрудно.

– Да? Который же?

– Третий слева.

– В чем его обвиняют?

– Понятия не имею. В первый раз его вижу, – сказал Грант и удостоился недоверчивого взгляда начальника.

После опознания одиннадцать мужчин сразу же отошли

в сторону и стали поправлять воротнички и галстуки перед выходом в тот мир, который они ненадолго покинули, чтобы помочь правосудию. И только один не тронулся с места – третий слева. Он дожидался конвоя и возвращения в камеру.

– Черт возьми! – не скрыл удивления шеф. – Один шанс из двенадцати. Здорово! Грант узнал вашего подопечного! – обратился он к стоявшему неподалеку инспектору.

– Вы его узнали? По-моему, он попался в первый раз.

– Да нет, я его никогда не видел и не имею ни малейшего представления, чем он занимается.

– Тогда как вы его узнали?

Грант медлил с ответом, потому что не знал, как объяснить. Ведь проще всего сказать: «У этого человека такое-то и такое-то лицо, следовательно, он преступник».

Однако все дело в том, что вычислил он его почти интуитивно, значит, ответ прятался в подсознании. Изрядно помучившись, Грант объявил:

– Только у него не было на лице морщин.

Шеф и инспектор рассмеялись. Но Грант, впервые проверявший свою интуицию логическим анализом, понял ее механизм.

– Может быть, звучит глупо, но... Если у взрослого человека лицо без морщин, это обязательно идиот.

– Но Фирман не идиот, уж поверьте, – перебил его инспектор. – Очень смысленный парень. Точно.

– Вы правы. Я только хотел сказать, что идиоту несвой-

ственно чувствовать себя ответственным за что-либо. Он – эталон безответственности. Все мужчины, что были тут, лет тридцати, и только у одного из них безответственное лицо. Поэтому я его и отметил.

Потом в Скотленд-Ярде долго шутили, что Грант «берет преступников на глазок». А помощник комиссара один раз даже поддразнил его:

– Вы что же, считаете, что у преступника особое лицо?

Грант поспешил его заверить, что как раз нет, совсем наоборот:

– Если бы все преступления были одинаковые, тогда, сэр, такое могло бы быть, но мы знаем, что у нас океан преступлений и душа человеческая необъятна, как океан. Если полицейскому придет в голову заняться систематизацией лиц, он просто-напросто утонет в бумажках. Все знают, как выглядит сексуально озабоченная женщина на Бонд-стрит между пятью и шестью часами вечера, тогда как самая известная в Лондоне нимфоманка по виду святоша из святош.

– Да нет, в последнее время она слишком много пьет.

Собеседник Гранта сразу понял, о ком речь, и разговор перешел на другую тему.

Интерес Гранта к лицам усиливался и стал походить на целенаправленное исследование. Он постоянно занимался сбором данных и их сравнительным анализом. Он был уверен, что систематизировать лица по группам невозможно, но это, однако, не могло помешать характеристике конкретного ли-

ца. Проглядывая в газете репортаж с фотографиями действующих лиц о каком-нибудь нашумевшем процессе, Грант ни разу не спутал судью и подсудимого. Случалось, он мог заподозрить подсудимого в адвокате, ибо адвокат ничем не отличается от всего остального человечества, так же порочен и жаден, как все люди. Только судья всегда выглядит честным и беспристрастным. В парике или без парика, он всегда остается судьей.

Мартин Джеймс, вытщенный Мартой в магазин из своей «дыры», несомненно, получил удовольствие сам и доставил удовольствие Гранту, который не скучал ни минуты до самого прихода Пигалицы. Она принесла чай, и Грант принялся собирать фотографии, разбросанные по всей постели, как вдруг обнаружил одну, ускользнувшую от его внимания.

Она была сделана с портрета мужчины лет тридцати пяти – тридцати шести, с худым бритым лицом, в бархатном берете и камзоле с прорезями по моде конца XV века. Богато украшенный жемчугом воротник и кольцо, которое он как раз надевал на мизинец правой руки, дополняли картину. Но взгляд мужчины был устремлен не на кольцо, а в пространство⁵.

Из всех портретов этот показался Гранту самым значительным. Художник словно хотел и не мог перенести на холст нечто неподвластное его таланту. Ему не удалось непонят-

---

⁵ Для лучшего понимания дальнейших событий в приложении размещены портрет Ричарда III и родословные Йорков и Тюдоров.

ное выражение глаз, притягивавшее к себе. Не удался подвижный тонкогубый рот. Зато он мог бы гордиться высокими скулами, провалами щек, выступающим подбородком.

Грант не переворачивал фотографию, увлекшись необычным лицом. Кому оно принадлежало? Судье? Солдату? Королю? Этот человек привык к грузу ответственности, и если был облечен властью, то относился к ней серьезно. Он был в высшей степени честен. Склонен к сомнениям. Стремился к совершенству. С легкостью принимал решения и увязал в мелких делах. Вероятно, он часто болел в детстве, поскольку смотрит на мир не так открыто, как люди, которые росли здоровыми. Хотя у него и не взгляд калеки, он явно нездоров (язва желудка?). Художник тоже это понял и сумел передать. Припухшие веки, как у заспавшегося ребенка, нездоровая кожа, взгляд старика на молодом лице.

Грант перевернул фотографию.

На обратной стороне он прочитал: «Ричард III. Портрет кисти неизвестного художника. Национальная портретная галерея».

Ричард III.

Вот оно что. Ричард III. Горбун. Чудовище, которым пугают детей. Само его имя давно сделалось нарицательным.

Грант снова взгляделся в лицо. Почему же художнику не удались глаза? Что он увидел в них? Муки совести?

Грант долго не мог оторваться от удивительных глаз на портрете, продолговатых и близко посаженных, от чуть на-

супленных бровей, как у человека, озабоченного множеством проблем, но в то же время чрезвычайно порядочно. Сначала Гранту показалось, что человек на портрете пристально разглядывает его, однако немного погодя он понял: это не так, мысли Ричарда III витают где-то далеко отсюда.

Уже и Пигалица вернулась за подносом, а Грант все смотрел на портрет. Давно ему не было так интересно. В сравнении с открывшимися сейчас глубинами даже Джоконда показалась бы не более чем манекенщицей, рекламирующей готовое платье.

Пигалица увидела нетронутую чашку, провела рукой по остывшему чайнику для заварки и надула губки, словно говоря: «Что, мне делать больше нечего, как зазря таскать подносы с чаем?»

Грант показал ей фотографию. Если бы этот человек лежал у нее в палате, что бы она о нем сказала?

– Печень, – решительно заявило это современное чудо из жесткого крахмала и светлых кудряшек, повернулось и покинуло палату, подчеркнутым перестуком каблучков выражая Гранту свое неудовольствие.

Рассекая воздушные волны, поднятые Пигалицей, вошел добрый и немного легкомысленный хирург. Он несколько минут разглядывал фотографию, потом сказал:

– Полиомиелит.

– Детский паралич? – переспросил Грант и тотчас вспомнил, что у Ричарда III сохла рука.

– Кто это?

– Ричард III.

– Правда? Очень любопытно.

– Вы знаете, что у него высохла рука?

– Да? Нет, не помню. Кажется, он был горбатым.

– И это тоже.

– Зато я помню, что он родился с полным набором зубов и ел живых лягушек. Кажется, я не ошибся в диагнозе.

– Удивительно. А почему именно полиомиелит?

– Если честно, не знаю. Вероятно, из-за выражения лица.

Такое всегда бывает у больного ребенка. Но если он родился горбатым, я мог ошибиться. А художник-то вроде горб не нарисовал?

– Да нет. Художники, работавшие при дворе, были людьми тактичными. Только во времена Кромвеля начали писать портреты «со всеми бородавками»⁶.

– Что касается меня, – сказал хирург, привычно осматривая шину на ноге Гранта, – то я считаю, что Кромвель изобрел снобизм шиворот-навыворот, от которого мы все сегодня страдаем. «Я самый обычный человек, самый-самый обычный, во мне нет ничего такого». Заодно нет умения себя вести, соблюдать приличия. – Грант видел, с каким нескрываемым интересом врач ущипнул его палец. – Эта болезнь страшнее многих. Чудовищное извращение. Кое-где в Штатах доходит до того, что политическая карьера может

---

⁶ Речь идет о приказе Кромвеля, отданном художникам.

рухнуть из-за не так повязанного галстука или пиджака не того покроя. Ерундистика. Идеал – когда все на всех похоже. Ну что ж, вроде поправляемся, – заключил он, закончив обследование большого пальца на правой ноге Гранта. – А все-таки любопытно, болел он полиомиелитом или нет? Наверное, болел, судя по руке, – размышлял хирург, не двигаясь с места. – Очень любопытно. Портрет убийцы. Как повашему, похож он на убийцу?

– Нет. Знаете, убийства бывают самые разные, но ни один из убийц, которых я помню по собственной практике или по занятиям в архиве, не похож на него.

– Несомненно, он hors concours⁷ среди своих. К тому же ему были неведомы угрызения совести.

– Да.

– Мне довелось видеть, как его играл Оливье. Он показал захватывающую картину абсолютного зла. Все время балансировал на грани гротеска, но ни разу не оступился.

– Взяв в руки этот портрет, вы не подумали, что перед вами преступник? – спросил Грант.

– Нет, – ответил хирург. – Я подумал: этот человек болен.

– Странно, не правда ли? И я тоже. А потом я прочитал, кто это, и теперь не могу не видеть в нем преступника.

– Мне кажется, злодейство, подобно красоте, не существует без зрителя. Ну, хорошо, я еще загляну к вам на этой неделе. Сильных болей не бывает? – И он ушел, добрый и легко-

---

⁷ Вне конкурса (*фр.*).

мысленный врачеватель.

Грант никак не мог отложить в сторону фотографию (его самолюбие было всерьез задето: принял за судью одного из самых страшных преступников всех времен, не распознал убийцу под благообразной внешностью) и еще долго упрекал себя за некомпетентность, пока ему не пришло в голову, что принесенная Мартой фотография не что иное, как иллюстрация к очередной исторической загадке.

Но что за тайна связана с Ричардом III?

И Грант вспомнил: Ричард убил своих племянников, но никто не знает как. Они просто исчезли, когда, если он правильно помнит, Ричарда не было в Лондоне. Он послал к ним кого-то. Однако все это одни догадки. Уже при Карле II нашли два скелета под какой-то лестницей и перезахоронили их. Решили, что это и есть принцы, хотя не было никаких доказательств.

Удивительно, до чего же плохо мы знаем историю, даже получив хорошее образование. Ему известно о Ричарде лишь то, что он был младшим братом Эдуарда IV, который был красавцем блондином, шести футов ростом и пользовался грандиозным успехом у женщин. Ричард захватил трон после его смерти, хотя у Эдуарда были прямые наследники, которых горбун убил как соперников. Еще Грант помнит, что Ричард погиб в битве при Босуорте, перед смертью приказал привести коня и был последним в своем роду, в роду Плантагенетов.

Любой школьник, переверачивая страницу с описанием жизни Ричарда III, испытывает облегчение, потому что от бесконечных перипетий войны Алой и Белой розы переходит к скучной, но легко запоминаемой истории Тюдоров.

– У вас, случайно, не сохранился учебник истории? – спросил Грант Пигалицу, когда она зашла к нему вечером.

– Учебник истории? Нет. Зачем он мне?

Хотя этот риторический вопрос не требовал ответа, молчание Гранта показалось ей обидным.

– Если вам вправду нужен учебник истории, – сказала она чуть погодя, – спросите у сестры Даррелл, когда она придет с ужином. По-моему, она таскает с собой все учебники. Они у нее в комнате на полке.

Похоже на Амазонку! Наверное, все еще скучает по школе, недаром она сама не своя, когда зацветают нарциссы. Едва дождавшись ее появления с тушеным ревенем и творожным пудингом, Грант в первый раз смотрел на ее неуклюжую фигуру почти с приязнью. Сейчас он видел в ней не чересчур крупную женщину с тяжелым дыханием, а возможную обладательницу вожденной книги.

– О да. Учебник истории. У меня их даже два. Я любила школу, вот и сохранила все учебники.

Грант с трудом удержался, чтобы не спросить, не хранит ли она заодно и своих кукол, но вовремя одернул себя.

– Правда-правда, я любила историю, – лепетала Амазонка. – Любила больше всех других предметов, а мой любимый

король – Ричард Львиное Сердце.

– Вот уж нахал из нахалов!

– Как вы можете? – обиделась Амазонка.

– У него была увеличенная щитовидная железа. – Грант не знал жалости. – Вот он и метался туда-сюда, как ракета, пущенная неумелым пиротехником. Вам еще долго сегодня?

– Вот накормлю всех ужином...

– Значит, сможете принести учебник сегодня?

– Ночью надо спать, а не читать учебники истории.

– Лучше учебник, чем потолок. Так принесете?

– Вряд ли мне захочется идти к себе, а потом возвращаться обратно ради человека, который плохо говорит о Ричарде Львиное Сердце.

– Ладно, – сдался Грант. – Мученика из меня не выйдет. Если вам так хочется, Ричард Львиное Сердце – самый замечательный рыцарь, *chevalier sans peur et sans reproche*⁸, безупречный воин, трижды кавалер Ордена за боевые заслуги⁹. Ну, принесете учебник?

– Одна история у вас в голове, – буркнула Амазонка, поправляя сбившуюся простыню большими ласковыми руками. – Принесу я вам книгу, все равно вечером пойду в кино.

Она пришла через час в невыносимых размерах пальто из верблюжьей шерсти. Горела одна настольная лампа, и она материализовалась в полумраке палаты как добрый ангел.

---

⁸ Рыцарь без страха и упрека (*фр.*).

⁹ Орден учрежден в 1868 г.

– Я-то думала, вы уже спите, – сказала Амазонка. – Не надо сейчас читать.

– Единственное, чего я еще не пробовал в качестве сновидца, – это учебник истории. Идите в кино с чистой совестью.

– Мы с сестрой Берроуз.

– Тем более.

– С вами нужно ангельское терпение, – с мягким укором заметила Амазонка и растворилась во мраке.

Она принесла две книги.

Одна состояла из популярных рассказов на исторические темы и имела такое же отношение к истории, как библейские легенды к Священному Писанию. Канут на берегу моря ругает своих военачальников, у Альфреда горят лепешки, Рейли бросает плащ под ноги Елизавете, Нельсон прощается с Харди в каюте «Виктории». Все это изложено длинными фразами на целый параграф и отпечатано крупным шрифтом, да еще каждый эпизод иллюстрируется картинкой на всю страницу.

Было что-то удивительно трогательное в том, как Амазонка дорожила своими детскими книжками. Перевернув обложку, Грант увидел на одной из пустых страниц:

Элла Даррелл

Класс III

Средняя школа

*Ньюбридж
Глостершир
Англия
Европа
Земля
Вселенная*

А вокруг красочные переводные картинки.

Интересно, подумал Грант. Наверное, все дети пишут в книгах свои имена и переводят на уроках картинки. Он-то уж точно это делал. И Грант впервые за много лет вспомнил свое детство. Вспомнил наслаждение, которое получал, когда видел, как все замечательно получается. Ну, с чем в мире взрослых сравнишь это? Разве что с удовольствием от точного удара, когда играешь в гольф? Или... Когда натягивается леска, и знаешь: рыбке уже не сорваться.

Книжечка так ему понравилась, что он прочитал ее до конца, наслаждаясь каждой из детских историй без исключения. Да и какой взрослый их не знает? Они остались в памяти вместе с задачками на тонны и фунты, с литургией Лода, амбарным заговором и трехгодичными актами, тогда как бесконечная путаница из версий и скандалов, союзов и предательств постепенно испарилась.

Наконец Грант добрался до рассказа о Ричарде III, который назывался «Принцы в Тауэре». Юная Элла, по-видимому, не очень интересовалась принцами, особенно в сравне-

нии с Ричардом Львиное Сердце, потому что все строчные «о» были аккуратно заштрихованы карандашом. На картинке два золотоволосых мальчика в пририсованных очках играли на фоне зарешеченного окна, а на соседней странице осталась память о давних сражениях в крестики-нолики. С Эллой принцам не повезло.

Тем не менее история оказалась довольно захватывающей, хотя для детского сердца, вероятно, излишне мрачной. Невинные младенцы. Чудовище-дядя. Обычный набор классического повествования.

Была и мораль, как в настоящей сказке:

Королю не пришлось воспользоваться плодами своего преступления. Народ Англии ужаснулся его жестокостью и не захотел больше терпеть его власть. Поэтому снарядили посла во Францию к Генриху Тюдору, дальнему родственнику Ричарда, чтобы просил он его возвратиться в Англию и стать королем. Ричард сражался храбро, но все равно погиб, потому что народ ненавидел его и войны покидали его, чтобы стать на сторону Генриха.

Все просто, в лоб, зато без пошлостей. Говоря по-современному: лаконичный репортаж.

Грант взял другую книгу.

Вот это был настоящий школьный учебник. Двухтысячелетняя история Англии оказалась аккуратно разложенной

для удобства детей по полочкам-параграфам. Полочки, естественно, соответствовали правлению того или иного монарха, поэтому рассматриваемое историческое лицо пришили к одному королю, хотя могло быть связано и с другими. Классификация чисто механическая. Пепис – Карл II. Шекспир – Елизавета. Мальборо – королева Анна. А ведь человек, живший при Елизавете, мог также жить и при Георге I. Ребенка с малолетства приучали к тому, что монархия – это замечательно.

Однако такая классификация была слишком простенькой для полицейского с поврежденным позвоночником и ногой на вытяжке, который решил поохотиться за информацией о давно почивших властителях Англии, чтобы не сойти с ума от безделья.

Грант очень удивился, обнаружив, что Ричард III просидел на троне всего ничего, а сумел стать одним из самых знаменитых королей, что, несомненно, говорило о его неординарности. Если Ричард не привязывал к себе людей дружескими узами, то уж влиять-то на них умел.

Авторы учебника, похоже, также не сомневались в его способностях.

Ричард был очень умен и неразборчив в средствах. Он откровенно потребовал коронации на том абсурдном основании, что брак его брата с Елизаветой Вудвилл был незаконным, следовательно, их дети не могли претендовать на

престол, и его поддержали те, кто опасался остаться в меньшинстве. Ричард начал свое правление с путешествия на юг страны, где его хорошо принимали, но, пока его не было, исчезли оба маленьких принца, которые жили в Тауэре, и все решили, что их убили. Последовавшее за этим крупное восстание было подавлено с большой жестокостью. Чтобы хоть отчасти вернуть себе утраченную популярность, Ричард утвердил парламент, который принял некоторые полезные акты (против поборов, лжесвидетельства и так далее).

Через некоторое время последовало второе восстание. Генрих Тюдор, глава Ланкастеров, привел в Англию французские войска, в результате чего произошла Босуортская битва, окончившаяся из-за вероломства Стэнли победой Генриха. Ричард дрался храбро, но погиб и оставил после себя славу не менее позорную, чем принц Джон.

Трудно что-нибудь понять в этой путанице поборов и лжесвидетельств.

И с какой стати англичане приняли короля, навязанного им французами?

Ну конечно, Франция в смутное время войны Роз воспринималась как бы вместе с Англией, во всяком случае, она была ближе сердцу англичанина, чем Ирландия. В XV веке он бывал во Франции почти запросто, а в Ирландию всегда ехал против воли.

Грант лежал и думал об Англии. О той Англии, над зелеными полями которой гремела война Алой и Белой розы, но еще не дымили трубы. Об Англии неперегороженной, с бесконечными лесами, где водился зверь, и необъятными болотами, где было полно птицы. Об Англии, в которой через каждые несколько миль путешественнику открывались одни и те же строения: замок, церковь, крестьянские дома; монастырь, церковь, крестьянские дома; поместье, церковь, крестьянские дома. Вокруг селений земля была обработана, а дальше сколько хватало глаз простирались зеленые луга. Утоптаные дороги с глубокими колеями бежали от селения к селению, зимой чернели грязью, летом белели пылью, а по обочинам цвел шиповник или боярышник, в зависимости от сезона.

Тридцать лет над этой зеленой малолюдной землей гремела война. Однако она напоминала скорее кровавую междоусобицу. Монтекки и Капулетти выясняли отношения, до которых не было дела простому англичанину. Никто не врывался к нему в дом с вопросом: «Ланкастер или Йорк?» – и не тащил его в концентрационный лагерь, если получал неподходящий ответ. Это была, в сущности, война родственников. Они дрались на чьем-нибудь поле, превращая кухню хозяина в перевязочный пункт, потом скакали дальше и дрались где-нибудь еще, а через пару недель можно было узнать, чем все закончилось, если это кого-то интересовало, например, из-за семейных связей жены. Похоже на бесконечное

соперничество футбольных команд. Кстати, никого не преследовали за поддержку соперничающего клана, как не преследуют фанатов «Арсенала» или «Челси».

Грант все еще размышлял о зеленой Англии, когда почувствовал, что засыпает. А ведь он ни на йоту не продвинулся в изучении судьбы юных принцев...

3

– А кого-нибудь посимпатичнее нельзя было найти? – спросила утром Пигалица, кивая на портрет Ричарда III, который Грант прислонил к стопке книг на тумбочке.

– Вам не нравится его лицо?

– Нравится?! Да оно меня в дрожь вгоняет.

– В учебнике истории сказано, что он был талантливым человеком.

– Синяя Борода тоже был талантливым.

– И кажется, довольно популярным.

– И Синяя Борода тоже.

– А кроме того, он был храбрым воином, – поддел Грант противницу Ричарда. – И жен не убивал.

– Для чего он вам понадобился? Кто это?

– Ричард III.

– А! Вот оно что!

– То есть вы таким его и представляли?

– В точности таким.

– Почему?

– Разве он не убийца?

– Оказывается, вы еще помните кое-что из истории.

– Это все знают. Он убил своих племянников. Бедняжки!

Задушил их.

– Задушил? – не без интереса переспросил Грант. – Я не

знал.

– Задушил подушками.

В это время она, маленькими сильными ручками взбив подушки, умело подложила их Гранту под голову.

– Почему же задушил, а не, скажем, отравил? – не отставал от нее Грант.

– Понятия не имею. Меня там не было.

– С чего же вы взяли, что он их задушил?

– Прочитала в учебнике истории.

– Правильно. А откуда это появилось в учебнике истории?

– Откуда? Ниоткуда. В учебниках пишут только правду.

– А кто их задушил, там тоже было написано?

– Да, Тиррел. А вы что, не учили историю?

– Кто такой Тиррел?

– Не знаю. Кажется, друг Ричарда.

– А откуда известно, что это сделал именно он?

– Он исповедался.

– Исповедался?

– Естественно. После того, как его признали виновным, и до того, как повесили.

– Значит, Тиррела повесили за убийство принцев?

– Ну да. Можно я уберу эту фотографию и поставлю другую? Ведь мисс Халлард принесла вам другие, куда симпатичнее.

– Зачем мне симпатичные? Мне нужны страшные лица убийц, но убийц талантливых.

– Что ж, на вкус и цвет... – как и ожидалось, произнесла Пигалица. – Слава богу, мне не обязательно на него смотреть. Но я вам скажу, пока он тут, кости у вас не срastутся.

– Ладно, запишем и их на счет Ричарда III. Чуть меньше злодеяний, чуть больше, какая разница?

Не забыть бы спросить у Марты насчет Тиррела. С образованием у нее, правда, не очень, но она училась в привилегированной школе, может, что и помнит.

Однако первым посетителем в этот день оказался большой, розовый, словно ребенок после мытья, сержант Уильямс, и Грант, тотчас позабыв об истории, обратился к современности. Уильямс с трудом примостился на неудобном стуле, широко расставил ноги, и его светло-голубые глазки засветились на солнце, как у довольной кошки. Грант относился к Уильямсу с симпатией, и ему было приятно поболтать с ним, послушать последние сплетни, узнать новости.

– Начальник передавал привет, – сообщил Уильямс напоследок. – Он сказал, если что нужно, мы сделаем. – Его голубые глаза неотрывно смотрели на фотографию на тумбочке. Он даже голову склонил набок от напряжения. – Кто этот парень?

Грант уже хотел ответить, но вовремя вспомнил, что Уильямс – профессионал, привыкший разбираться в лицах не хуже его самого.

– Портрет неизвестного художника пятнадцатого века. Как он вам?

– В этом я ничего не понимаю.

– Да не о художнике я, о парне.

– Ага. – Уильямс склонился над портретом, нахмутив брови и изображая высшую степень сосредоточенности. – А собственно, что вы имеете в виду?

– Куда бы вы его посадили – на место судьи или подсудимого?

Уильямс некоторое время размышлял, а потом голосом, не допускающим и тени сомнения, произнес:

– Конечно, судьи.

– Да?

– Конечно. А что, вы против?

– Нет. Просто забавно, что вы тоже ошиблись. Он подсудимый.

– Странно, – не поверил Уильямс и вновь впился глазами в фотографию. – Вы знаете, кто это?

– Знаю. Ричард III.

Уильямс свистнул:

– Вот оно что. Принцы в Тауэре и так далее. Злой дядюшка. Конечно, если знать, тогда... А так, нет, никогда не подумаешь. Горбун, значит. Как старый Халсбери, у которого если и был недостаток, так это чрезмерная доброта. Он из кожи вон лез, только бы присудить поменьше.

– Вы помните, как были убиты принцы?

– Я помню только, что мать носила Ричарда два года.

– Да? Откуда вы это взяли?

– Из школьного учебника, наверно.

– Что за школа у вас была такая? Я ничего подобного не читал. Право, не исключено, что Библия и Шекспир не стареют благодаря учителям. Надо же так все переворачивать! Ну, а о человеке по имени Тиррел вы слышали?

– Да. Он служил во флоте и утонул в Египте.

– Да нет. Я об историческом Тирреле.

– Я же вам говорю, что знаю из истории только две даты: 1066¹⁰ год и 1603.

– А что было в 1603 году? – спросил Грант, все еще поглощенный мыслями о Тирреле.

– Мы навечно прицепили к себе Шотландию.

– Что ж, все лучше, чем ждать, когда они вцепятся нам в горло. Говорят, это Тиррел убрал мальчишек.

– Племянников? Зачем ему? Ладно, мне пора. Что-нибудь надо?

– Вы, кажется, собирались на Чаринг-Кросс-роуд?

– Да, в «Феникс».

– Могу я попросить вас об одолжении?

– Каком?

– Зайдите в книжный магазин и купите мне какую-нибудь книгу про историю Англии для взрослых. И еще, если удастся, «Жизнь Ричарда III».

– Конечно, о чем речь.

У двери Уильямс столкнулся с Амазонкой и застыл, пора-

---

¹⁰ Год завоевания Англии норманнами.

женный зрелищем великанши в сестринской форме. В конце концов, едва слышно пробормотав «здравствуйте», он бросил вопросительный взгляд на Гранта и исчез в коридоре.

Амазонка сообщила, что должна идти к номеру четвертому купать его в ванне, но сначала ей непременно нужно убедиться в том, что он осознал...

– Что осознал?

– Каким благородным был король Ричард Львиное Сердце.

– Я еще не дошел до Ричарда I, но номер четвертый может подождать, пока вы мне расскажете все, что знаете о Ричарде III.

– Ах, бедные овечки! – вздохнула Амазонка, и ее большие коровьи глаза наполнились слезами.

– Кто?

– Прелестные маленькие мальчики. Мне в детстве иногда снилось, будто я сплю, а кто-то входит в комнату и накрывает мне лицо подушкой.

– Их задушили?

– Ну конечно. А вы разве не знали? Сэр Джеймс Тиррел приехал в Лондон, когда весь двор был в Уорике, и приказал Дайтону и Форресту их убить, а потом их закопали под лестницей и положили сверху много камней.

– Но об этом ничего не говорится в книгах, которые вы мне дали.

– Правильно, ведь это школьные учебники. В них никогда

нет ничего интересного.

– Тогда позвольте вас спросить: откуда вы взяли милую историю о Тирреле?

– Это правда, – обиделась Амазонка. – Об этом есть у сэра Томаса Мора. А сэр Томас Мор был самым честным человеком во всей истории Англии.

– Согласен. С моей стороны было бы невежливо спорить с сэром Томасом Мором.

– Ну ладно. Об этом рассказывает сэр Томас Мор, а он жил в то время и был знаком со всеми.

– С Дайтоном и Форрестом?

– Ну конечно же, нет. С Ричардом и бедняжкой королевой.

– С королевой? Женой Ричарда?

– Ну да!

– А почему «бедняжкой»?

– Все из-за него. Говорят, он ее отравил, потому что хотел жениться на своей племяннице.

– Зачем?

– Потому что она была настоящей наследницей.

– А, понятно. Он избавился от племянников, а потом хотел жениться на своей племяннице.

– Он же не мог жениться на них.

– Да уж такое, думаю, даже Ричарду III не приходило в голову.

– Вот он и решил жениться на Елизавете, чтобы чув-

ствовать себя безопаснее на троне. Она потом вышла замуж за другого короля. Мне всегда нравилось, что в Елизавете немножко крови Плантагенетов. Я не в восторге от Тюдоров. Мне пора. Еще придет начальница, а номер четвертый не помыт.

– Наступит конец света.

– Нет, мой, – выходя из палаты, ответила Амазонка.

Грант снова взялся за книгу и попытался прояснить для себя события, происходившие во время войны Роз. Бесплезно. Армии слонялись по всей Англии. Йорки и Ланкастеры, как в сумасшедшем калейдоскопе, сменяли друг друга в качестве победителей, и даже делать попытку как-нибудь разобраться в этом было безнадежно.

Грант понял одно: беда заключалась не в самих стычках, а в том, что семена их были посеяны столетием раньше, когда был свергнут с престола Ричард II. Грант еще в юности четыре раза ходил смотреть «Ричарда Бордоского» в Новом театре и все помнил. Три поколения незаконно занявших престол Ланкастеров правили Англией: Генрих, преемник Ричарда, – несчастливо, но довольно благоразумно; шекспировский принц Гарри, мечта о славе, сражался при Азенкуре. И наконец, его слабоумный сын. Неудивительно, что народ вновь захотел законной власти, наблюдая, как глупцы, посланные Генрихом VI во Францию, проигрывают там сражение за сражением, тогда как сам Генрих лелеет мысль об основании Итона и умоляет придворных дам уменьшить де-

кольте.

Все Ланкастеры оказались фанатиками, что особенно резко бросалось в глаза после довольно либерального правления Ричарда II, защитника идеи: «Живи и давай жить другим». Три правителя сменили друг друга, но все так же горели костры, на которых сжигали еретиков. Что ж тут удивительного, что в народе возникло недовольство?

Оно усилилось с тех пор, как люди увидели герцога Йоркского, талантливого, разумного, терпимого, законного наследника Ричарда II. Может, никому особо и не хотелось, чтобы Йорк сверг простоватого Генриха, но уставшему народу нужно было, чтобы Йорк взял в свои руки правление страной и покончил с неразберихой.

Йорк попытался это сделать и погиб в сражении, а его семья потом много лет провела в изгнании.

Однако когда волнения поутихли, на троне Англии оказался его сын, который сражался вместе с ним, и потекла простая, мирная жизнь под властью молодого, светловолосого, очень красивого и распутного, что не мешало ему быть проницательным, Эдуарда IV.

Вот и все, что Грант узнал о войне Алой и Белой розы.

Оторвавшись от книги, он увидел прямо перед собой старшую сестру.

– Я стучала, – сказала она, – но вы были так поглощены чтением...

Она стояла неподвижно, стройная, отрешенная от все-

го, что было за пределами больницы, не менее элегантная, чем Марта, но с единственным украшением – серебряным значком медицинской школы, которую она окончила. Грант смотрел на нее и пытался представить, кому еще присуще столь же непоколебимое достоинство и самообладание, которыми отличаются старшие сестры больших больниц.

– Зачитался историей, – заговорил Грант. – Поздновато, конечно.

– Великолепный выбор, – вдруг сказала она. – Помогает установить перспективу. – Грант понял, что портрет ей знаком. – Вы за Йорков или Ланкастеров?

– Вы знаете, кто это?

– О да. Когда я была еще стажером, часто заходила в Национальную галерею. Денег получала мало, ноги болели ужасно, а там было тепло, спокойно и много скамеек. – Она грустно улыбнулась своим воспоминаниям. – Я любила там бывать, потому что портреты давали мне такое же ощущение перспективы, как хорошие исторические книги. Знаменитости. Они всю жизнь к чему-то стремились, а теперь от них остались лишь имена. Холст и краски. Насмотрелась я тогда на портреты. – Она взглянула на фотографию. – Несчастный человек, – неожиданно сказала она.

– Хирург считает, что в детстве он болел полиомиелитом.

– Полиомиелитом? – Она задумалась. – Может быть. Не знаю. Он мне всегда казался ужасно несчастным. У него самое грустное лицо изо всех, какие я когда-либо видела.

– Как вы думаете, художник рисовал его уже после убийства?

– Конечно. Он не принадлежит к тому типу людей, которым хоть что-то дается легко. Он не такой. Наверное, он знал, как... омерзительно его преступление.

– По-вашему, он был не в ладу со своей совестью?

– Это вы хорошо сказали. Да. Он из тех людей, которые сначала чего-то очень хотят, а потом обнаруживают, что заплатили слишком дорого.

– Вы не считаете его законченным негодяем?

– Нет. Нет. Негодяи не мучаются, а он...

Несколько минут они молчали и смотрели на портрет.

– Знаете, наверно, это было похоже на возмездие. Смерть сына, потом жены. Он остался совсем один. Словно Бог его покарал.

– Он тосковал по жене?

– Они были родственниками и дружили с детства. Не знаю, любил он ее или нет, но они были друзьями. Редкая удача, особенно для сильных мира сего. Однако мне пора. Я хотела вас спросить, как вы себя чувствуете, но сейчас мой вопрос уже не имеет смысла. Не отвечайте. Очень хорошо, что вас занимает человек, которого уже четыреста лет нет на свете.

Вроде бы она только что стояла здесь, едва заметно улыбаясь, как бы даже сама себе, – и вот она уже возле двери. Эта женщина владела даром успокаивать душу. Как монахи-

ня. Или королева.

После ланча прибежал запыхавшийся Уильямс с двумя толстыми книгами.

– Вы могли бы оставить их швейцару, – сказал Грант. – Я вовсе не предполагал, что вы потащите их наверх.

– Мне надо было предупредить вас, что я успел зайти только в один магазин, зато в самый большой, и купил вот это. – Он положил на тумбочку, стараясь казаться равнодушным, том в строгом зеленовато-сером переплете. – Они сказали, что это лучшее, что есть у них, и в других магазинах я все равно ничего не найду. Отдельной истории Ричарда III у них не было, зато они дали мне вот это.

«Это» оказалось книгой в веселенькой обложке с военными аксессуарами и называлось «Рейбийская Роза».

– Кто это?

– Его мать, по-моему. То есть Роза. Все, я бегу. Еще пять минут, и начальство спустит с меня шкуру. Извините, если что не так. Я посмотрю, может, найдется что-нибудь получше, и еще загляну к ним.

Грант был растроган чуть не до слез.

Сержант не успел дойти до конца коридора, а Грант, открыв «лучшую» историю Англии, уже выяснил, что эта так называемая «официальная» история, в сущности, умелая компиляция с неплохими иллюстрациями. Рисунок из Лут-

тремитского псалтыря украшал главу о сельском хозяйстве четырнадцатого столетия. Глава о Великом пожаре была поделена пополам картой Лондона. Зато короли и королевы упоминались редко и вскользь. «История» Тэннера была сосредоточена на социальном прогрессе и политической эволюции. В ней можно было прочесть о черной оспе, введении книгопечатания, появлении пороха, создании торговой гильдии, но о королях и их родственниках мистер Тэннер вспоминал в случаях крайней необходимости. Такая необходимость возникла, например, в связи с введением книгопечатания.

К будущему лорду-мэру Лондона из южного Кента явился некто по имени Кэкстон и представился учеником торговца мануфактурой. Потом этот Кэкстон с деньгами, доставшимися ему по наследству от хозяина, двинулся в Брюгге. А в один августовский день два юных английских изгнанника стояли под проливным дождем на берегу моря в Нидерландах, и, какое совпадение, на помощь им пришел удачливый торговец из южного Кента. Изгнанниками были Эдуард IV и его брат Ричард. Когда же колесо истории повернулось и Эдуард возвратился в Англию, с ним прибыл Кэкстон, который напечатал для него – впервые в Англии – книги, написанные родственником короля.

Грант переворачивал страницы и не уставал удивляться убожеству информации об отдельных людях. Давным-давно читатели газет уяснили, что беды человечества не имеют ни-

чего общего с горем одного человека. При известии о массовом разорении холодов ужаса может пробежать по позвоночнику, но сердце останется спокойным. В Китае погибла тысяча человек – это новость, ребенок утонул в пруду – это трагедия. Поэтому, наверное, историческое исследование мистера Тэннера, будучи превосходно выполненным, оставляло читателя равнодушным. Правда, временами повествование обретало эмоциональность.

Например, там, где он писал о Пастонсах, у которых была привычка записывать все вперемежку: впечатления об исторических событиях, заказы на масло для салата, замечания об учебе Климента в Кембридже. Так вот, между двумя хозяйственными записями нашлась фраза о том, что в их доме в Лондоне жили два маленьких мальчика из клана Йорков, Георг и Ричард, и к ним каждый день приезжал повидаться их брат Эдуард.

Интересно, подумал Грант, отложив книгу и уставив взгляд в потолок, интересно, а ведь до Эдуарда IV и Ричарда III ни один из королей не имел в прошлом такой «некоролевской» жизни. И после них – разве лишь Карл II. Но Карл, даже в бедности и изгнании, для всех оставался королевским сыном, а маленькие мальчики, жившие в доме Пастонсов, были просто детьми из клана Йорков, которые и в лучшие времена вряд ли кого интересовали, а когда делалась запись, они уже не имели ни своего дома, ни надежд на будущее.

Грант взял «Историю» Амазонки посмотреть, что делал

в Лондоне Эдуард. Оказалось, он собирал армию. «Лондон всегда поддерживал Йорков, и горожане с энтузиазмом становились под знамя юного Эдуарда», – гласила «История».

Не тогда ли, подумалось Гранту, родилась редкостная преданность Ричарда старшему брату, ничем не омраченная на протяжении почти всей жизни, которую и исторические книги не только не отрицают, но даже подчеркивают, выводя из нее следующую мораль: «Вплоть до самой смерти брата Ричард был ему преданным товарищем, несмотря ни на какие превратности судьбы, но потом искушение короной оказалось слишком велико». В другой книжке Амазонки об этом говорилось уже без всякого стеснения: «Он был хорошим братом Эдуарду, но когда понял, что сам может стать королем, не осилил своей жадности и его сердце окаменело».

Грант искоса посмотрел на портрет и решил, что автора занесло куда-то не туда. Если сердце Ричарда и стало каменным, случилось это все же не от жадности. Или историк имел в виду власть? Тогда возможно. Возможно.

Однако Ричард и так обладал властью, о какой только может мечтать смертный. Брат короля. Богат. Неужели желание подняться еще на одну ступеньку оказалось столь сильным, что он решился на убийство племянников?

Что-то не сходится.

Грант все еще никак не мог отделаться от сомнений, когда в палату вошла миссис Тинкер. Она принесла чистую пижаму и ежедневную сводку газетных новостей. В газетах мис-

сис Тинкер читала только репортажи об убийствах. Тут она вчитывалась в каждое слово и даже покупала для себя вечернюю газету, когда возвращалась домой готовить ужин.

Сегодня Грант не сделал ни одной попытки прервать ее неторопливый рассказ об йоркширском убийстве и эксгумации трупа, но ее взгляд упал на нетронутую утреннюю газету, и она смолкла на полуслове.

– Вы неважно себя чувствуете? – озабоченно спросила она.

– Прекрасно, Тинк, прекрасно. А в чем дело?

– Вы не читали газету. Вот так было с моей сестрой, она тоже перестала читать газеты.

– Не беспокойтесь, Тинк, все в порядке. Видите, у меня даже настроение изменилось. А о газете я забыл, потому что читал исторические книги. Вы что-нибудь слышали о принцах в Тауэре?

– Все что-нибудь слышали о принцах в Тауэре.

– И вы знаете, отчего они умерли?

– Конечно, знаю. Когда они спали, он положил им на головы подушку.

– Да кто же?

– Их дядя. Злодей. Ричард III. Когда болеешь, не стоит читать о таких вещах. Лучше возьмите что-нибудь повеселее.

– Вы не очень спешите, Тинк? Не могли бы вы зайти на Сент-Мартинт-лейн?

– О, у меня есть время. Это к мисс Халлард? Но ее не

будет там до шести.

– Я знаю. Вам надо только оставить ей записку.

Грант взял блокнот, ручку и написал: «Из любви к бездельнику отыщите “Историю Ричарда III” Томаса Мора». После этого он оторвал листок, сложил его и адресовал: «Мисс Марте Халлард».

– Оставьте его старому Сэкстону. Он сидит у служебного входа и сам ей отдаст.

– Если уж я войду в служебную дверь, то почему бы мне не посидеть в зрительном зале, – то ли размышляя, то ли утверждая, произнесла миссис Тинкер. – Сейчас мы его спрячем, чтобы не улетел.

Она опустила листок в дешевую потертую сумку, которая была так же неотделима от нее, как любимая шляпка. Каждый год на Рождество Грант дарил ей новую сумку, и все они были далеко не худшими произведениями английского кожаного искусства как по замыслу, так и по исполнению. Даже Марта взяла бы любую из них, собираясь на ланч в «Благо». Однако сумка бесследно исчезала в тот же день, а так как миссис Тинкер считала ломбард еще более неприличным местом, чем тюрьма, Грант не мог заподозрить, что она закладывает его подарки. Следовательно, все они лежат где-нибудь на дальней полке, завернутые в магазинную бумагу. Возможно, миссис Тинкер изредка доставала их, чтобы кому-нибудь показать или самой полюбоваться, и, наверное, сознание, что они у нее есть, радовало ее не меньше, чем

некоторых радуется мысль о деньгах, сбереженных на похороны. В следующий раз Грант был твердо намерен открыть потрепанную сумку миссис Тинкер, неизменное вместилище à tout faire¹¹, и положить некую сумму в отделение для денег. Она, конечно же, растратит ее всю на мелочи, на что-нибудь совершенно ненужное, так что даже сама не будет знать, на что ушли деньги, но, может быть, горсточка маленьких радостей, подобно блесткам, украшающим будничную жизнь, стоит большего, чем умозрительное удовлетворение от владения замечательными вещами, запрятанными на дальнюю полку.

Миссис Тинкер ушла, скрип ее туфель и корсета затих за дверью. Грант вернулся к мистеру Тэннеру, чтобы обогатить свой мозг за его счет, однако это оказалось делом нелегким. Ни по своей природе, ни по профессии Грант не был склонен интересоваться человечеством в целом. Объектом его интереса был неизменно индивидуум. Он продирался сквозь приводимую мистером Тэннером статистику и мечтал о короле на дубовом троне, или о метле, привязанной к мачте, или о шотландце, вцепившемся в чужое стремя во время битвы. По крайней мере теперь он знал наверняка, что англичане в XV веке пили воду только в наказание. Английский труженик времен Ричарда III, по-видимому, был предметом восхищения для всего континента, о чем рассказал французский источник, частично процитированный мисте-

---

¹¹ Здесь: всего на свете (*фр.*).

ром Тэннером:

Король Франции никому не разрешает есть соль, помимо той, что куплена у него самого и по его цене. Его войско ничего не платит населению, да еще варварски грабит его. Все виноделы отдают королю четвертую часть своего дохода. Все города ежегодно выплачивают королю огромные суммы на содержание его армии. Крестьяне живут в нищете и задавлены непосильным трудом. У них нет шерстяной одежды, и они носят короткие холщовые рубахи до колен. Обуви у них тоже нет. Женщины ходят босые. Они не едят мяса и лишь иногда кладут в суп свиной жир. Мелкопоместное дворянство живет не намного лучше. Если против кого-нибудь выдвигают обвинение, то допрос ведется без свидетелей, а приговор почти всегда предрешен заранее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.